

Наверное, это просто чей-то противный черный пудель.

Но мне всегда было интересно...

Что, если это на самом деле был Он

и Он решил, что я не достоин?

Тони Кушнер “Светлая комната, что зовется День”*

* Тони Кушнер — американский драматург и сценарист, лауреат Пулитцеровской премии. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ПРОЛОГ

Представьте себе лето, словно слизанное с фильма о взрослении, который снят в пятидесятых где-нибудь в маленьком городишке. Это лето выбивается из череды ирландских годин, когда тучи и морозящий дождик, точно повинувшись капризам пресыщенного знатока, втискивают все оттенки в скудную акварельную палитру. Это лето — бескомпромиссное и чрезмерное, будто разлитое по шелку горячей синевой. Такое лето взрывается на языке вкусом жеваной травинки, твоего собственного свежего пота, печенья “Мария” с растаявшим на нем маслом, красного бутылочного лимонада — любимого напитка тех, кто прячется по шалашам на деревьях. Оно покалывает кожу ветром летящего велосипеда, лапками божьей коровки, что ползет по руке. Оно наполняет каждый вдох запахом скошенной травы и развешанного на веревках белья, оно звенит и откликается птичьим пением, жужжанием пчел, шелестом листвы, стуком футбольного мяча, посвистом скакалки и криками: “Раз! Два! Три!” Это лето бесконечно. Каждый день его начинается с мелодичных переливов из машины мороженщика и стука в дверь — это пришел твой лучший друг — и заканчивается долгими тягучими сумерками, когда в дверях появляется силуэт матери и та зовет тебя домой, а между черными деревьями с криками мечутся летучие мыши. Это Классическое лето во всем его великолепии.

Представьте небольшой аккуратный лабиринт из домиков на холме всего в нескольких милях от Дублина. Когда-то власти решили устроить из этого места образчик чудесной пригородной жизни, безупречную замену городской скученности, бедности и всяческим городским заразам, но сейчас там лишь пара десятков одинаковых двухквартирных домов — странные и неуклюжие,

они выглядят относительно новыми. Пока власти пели про “Макдоналдсы” и многозальные кинотеатры, молодые семьи — те, кого тяготило съемное жилье с уборными на улице, о которых в Ирландии 1970-х упоминать не любили, те, кто мечтал о палисадниках и дорогах, где дети прыгали бы в классики, или те, чья зарплата учителя или водителя автобуса просто позволяла купить жилье не слишком далеко от города, — покидали пожитки в пакеты для мусора и затряслись по ухабистой, местами поросшей травой и маргаритками колее к новой, как блестящая монетка, жизни.

С тех пор минуло десять лет. Зыбкие воображаемые магазины и дома культуры, что именовались инфраструктурой, так и не появились (время от времени мелкие политики распинались в палате представителей о сомнительных земельных сделках). Фермеры по-прежнему пасут по ту сторону дороги коров, а в ночной темноте проглядывают разве что скромные созвездия окон на соседних холмах, за землями, где когда-то обещали построить торговый центр и разбить маленький уютный парк, но где добрую квадратную милю и бог весть сколько сотен ярдов так и тянется лес.

Подойдем ближе, понаблюдаем за тремя детьми, что перелезают через хлипкую оградку из кирпичей и цемента, отделяющую лес от домов. В их фигурах кроется явное нежелание медлить, они стремительны и естественны, подобны легким аэропланам. Бледные “татуировки” на теле: молния, звездочка, огонек — все, как обычно, когда наклеишь на кожу вырезанную из пластыря картинку, а солнце позолотит вокруг нее загаром. Голова с копной светлых волос высовывается над оградой, нога ищет опору, колено упирается в стену — и на другую сторону, с глаз долой.

Лес — это трепет, шелест и мираж. Словно нарисованный пуантилистом, он складывается из миллиона звуков — шорохи, щебетанье, безымянные оборванные крики. Лесная пустота полна тайной жизни, суету которой замечаешь лишь краем глаза. Осторожней: из трещин в коре накренившегося дуба выползают пчелы; остановись, подними камень — и под ним встревоженно зашевелятся чьи-то странные личинки, а усердные муравьи тем временем цепочкой обовьют тебе лодыжку. В разрушенной башне, в былые времена служившей кому-то оплотом, между камня-

ми зеленеют стебли крапивы толщиной с руку, а на закате кролики вытаскивают из устроенных в фундаменте нор крольчат и играют с ними на древних могилах.

Лето принадлежит этим трем детям. Они изучили лес так же хорошо, как и рельеф собственных ободранных коленок. Завяжите им глаза и поместите в лесную лощину или на поляну — и они найдут дорогу домой, ни разу не заплутав. Это их территория, они правят ею с безудержным великодушием, свойственным молодым животным; целыми днями напролет и по ночам, во сне, они пробираются между деревьями и играют в прятки в лесных оврагах.

Они переносятся в легенду, в рассказанные перед сном истории и ночные кошмары, о которых родители никогда не узнают. Они следуют по едва заметным тропинкам — таких тебе в одиночку ни за что не найти, они скатываются по разрушенным каменным стенам, оставляя позади, точно следы от кометы, эхо голосов и шнурки от ботинок. А на берегу реки — кто это ждет там, высунув руки из-за ивовых веток, чей смех раздается с качающегося дерева, чье лицо, нарисованное солнечным светом и тенями листвы, ты вдруг замечаешь боковым зрением в подлеске, а потом оно тут же исчезает?

Эти дети так и не повзрослеют, ни этим летом, ни другим. Август не станет уговаривать их найти скрытые силу и храбрость, чтобы посмотреть в лицо взрослой жизни со всеми ее печалью, мудростью и обязательствами. Это лето предъявит им другие требования.

I

Прошу учитывать, что я сыщик. Мои отношения с правдой основательны, но надтреснуты и, подобно расколотому стеклу, искажают действительность. В этом суть нашей деятельности, конечная цель каждого движения. Мы следуем стратегиям, целиком и полностью возвращенным на лжи, утаивании и всякого вида уловках. Правда — самая желанная дама в этом мире, а мы — ревнивейшие любовники, машинально отказывающие кому бы то ни было в счастье хоть одним глазком лицезреть ее. Увязшие во лжи, мы привычно изменяем ей, а затем возвращаемся к ней, размахивая неизменным флагом всех любовников: я поступил так из любви к тебе.

Я легко придумываю образы, особенно несложные, поверхностные. Не позволяйте мне обмануть вас, нарисовав картинку, на которой мы, эдакие “ласковые рыцари”, парами скачем за Госпожой Истиной на белой кобылице. По правде говоря, действуем мы непродуманно, глупо и отвратительно. Допустим, некая девушка обеспечивает своему парню алиби на тот вечер, когда он, согласно нашим подозрениям, ограбил торговый центр в Нортсайде и пырнул ножом сотрудника. Сперва я с ней кокетничаю — мол, оно и понятно, что с такой красоткой он решил дома остаться. У девицы сальные, обесцвеченные волосы, а сама она хилая и убогая — сказались поколения, пренебрегавшие правильным питанием. Будь я ее парнем, то с радостью отселился бы от нее, даже если бы пришлось делить камеру с волосатым громилкой с погонялом Бритвак. Я говорю ей, что в его стильных белых кроссовках мы обнаружили меченые банкноты, и добавляю, что, по его словам, это она в тот вечер куда-то ходила, а вернувшись, отдала банкноты ему. Я произношу это очень

убедительно, старательно имитируя одновременно неловкость и сочувствие из-за предательства ее возлюбленного, поэтому ее окрепшие за четыре проведенных вместе с этим парнем года чувства рассыпаются песочным замком, и (причем в этот момент парень ее сидит в соседнем кабинете и твердит моему напарнику: “Да пошел ты, мы с Джеки дома тусили!”) девица, хлюпая носом, выкладывает все как на духу — начиная с той минуты, как он вышел из дома, и заканчивая тем, какой он лох в постели. Тогда я участливо похлопываю ее по плечу, протягиваю ей салфетку и придвигаю стаканчик с чаем и бланк заявления для признательных показаний. В этом и заключается моя работа, а если вы по натуре своей не готовы принимать ее требования, работать вы здесь не станете, а если и станете, то выдержите недолго. Итак, прежде чем перейду к рассказу, прошу учитывать два момента. Я жажду истины. И я лжец.

Я ознакомился с документами по своему делу на следующий же день после того, как стал следователем. К этой истории я буду возвращаться снова и снова, рассматривать ее под самыми разными углами. Не повезло мне, зато дело это мое собственное, эта история — единственная в мире, которую не рассказать никому, кроме меня.

Четырнадцатого августа 1984 года, после полудня, трое двенадцатилетних детей — Джермейн (Джейми) Элинор Роуэн, Адам Роберт Райан и Питер Джозеф Сэведж — играли на дороге, проходившей возле их домов в крохотном поселке Нокнари в графстве Дублин. День выдался жаркий и безоблачный, местные сидели в палисадниках, и многие неоднократно видели, как дети залезают на стену в конце улицы, катаются на велосипедах и раскачиваются на подвешенной к дереву автомобильной покрышке.

В те времена Нокнари был местом малонаселенным и граничил с лесом, который от поселка отделяла стена высотой пять футов. Часа в три дети оставили велосипеды перед домом Сэведжей и сказали миссис Анжеле Сэведж — та как раз развешивала белье для просушки, — что пойдут поиграть в лесу. Они туда часто бегали и хорошо знали эту часть леса, поэтому миссис Сэведж не боялась, что они заблудятся. У Питера имелись часы,

и мать велела ему вернуться домой к вечернему чаю, то есть к половине пятого. Это подтвердила и живущая по соседству миссис Мэри Терес Корри, а по заявлениям многочисленных очевидцев, дети перелезли через стену и скрылись в лесной чаще.

Когда без четверти пять Питер Сэведж так и не появился, его мать опросила матерей двух других детей, предположив, что ее сын засиделся в гостях у кого-то из друзей. Оказалось, что никто из детей тоже не вернулся. Обычно Питер Сэведж родителей слушался, однако родители пока не тревожились — они решили, что дети увлеклись игрой и забыли о времени. Где-то без пяти семь миссис Сэведж зашла в лес, не слишком далеко, и стала звать детей. Ответа не последовало, а судя по тому, что она видела и слышала, рядом не было ни души.

Она возвратилась домой, чтобы напоить чаем своего супруга, мистера Джозефа Сэведжа, и четверых младших детей. После чая мистер Сэведж и мистер Джон Райан, отец Адама, углубились в лес. Они постоянно звали детей, но ответа так и не дождались. В двадцать пять минут девятого, когда стали сгущаться сумерки, родители всерьез забеспокоились: а что, если дети все-таки заблудились? Тогда мисс Алисия Роуэн, мать Джермейн (она воспитывала девочку в одиночку), имевшая в доме телефон, вызвала полицию.

Начались поиски. Предположили, что детям вздумалось сбегать. Мисс Роуэн собиралась отправить Джермейн в школу-интернат в Дублине, откуда та должна приезжать домой лишь на выходные. Отъезд планировался через две недели, и трое друзей очень переживали скорую разлуку. Тем не менее поверхностный осмотр комнат показал, что и одежда, и деньги, и все прочее на месте. В принадлежащей Джермейн матрешке-копилке лежало пять фунтов и восемьдесят пять пенсов, а сама копилка стояла нетронутая.

В двадцать минут десятого полицейский, который с фонарем прочесывал лес, обнаружил в густой лесной чаще Адама Райана. Мальчик вжался спиной в большой дуб. Ногтями он с такой силой впился в кору, что они обломались. Судя по всему, он простоял так довольно долго, но на зов не откликнулся. Мальчика отвезли в больницу. Вызванные кинологи пустили собак по следу двух других детей, и след привел к месту неподалеку от

того, где нашли Адама Райана, однако дальше собаки сбились со следа.

Когда меня нашли, на мне были синие джинсовые шорты, белая хлопчатобумажная футболка, белые носки и белые зашнурованные кроссовки. Кроссовки были перепачканы кровью, носки тоже, но меньше. Согласно сделанному позже анализу, кровь просочилась сквозь кроссовки наружу, но на носки попала именно с кроссовок. Получалось, что с меня сняли кроссовки и залили в них кровь, а затем, когда она начала подсыхать, кроссовки снова надели мне на ноги — так носки и запачкались кровью. На футболке имелись четыре параллельные прорехи длиной от трех до четырех дюймов. Они располагались по диагонали от середины левой лопатки до правого подреберья сзади.

Повреждений у меня не оказалось, разве что незначительные царапины на икрах, занозы (впоследствии выяснилось, что это дубовая кора) под ногтями и глубокие, уже запекшиеся ссадины на коленках. Получил ли я эти ссадины в лесу, так и не выяснили. Пятилетняя Эйдин Уоткинс, игравшая в тот день на нашей улице, сообщила, что видела, как я ранее свалился с ограды и приземлился прямо на коленки. Однако в показаниях она путалась, и поэтому их сочли ненадежными. Сам я находился в полубессознательном состоянии и почти тридцать шесть последующих часов почти не шевелился, а затем две недели не разговаривал. А заговорив, не мог вспомнить ничего, что происходило после того, как я вышел из дома, и до момента, когда оказался в больнице.

Анализ обнаруженной у меня на кроссовках и носках крови на группу и резус-фактор (в 1984 году в Ирландии еще не проводилась экспертиза ДНК) показал, что кровь относится ко второй группе с положительным резусом. Хотя тип крови совпал с моим собственным, пришли к выводу, что едва ли столько крови вытекло из ссадин на коленках, пускай раны и глубокие. Двумя годами ранее, перед операцией по удалению аппендикса, Джермейн Роуэн тоже проводили анализ крови, и у нее тоже была вторая группа. Группа крови Питера Сэведжа была неизвестна, но он в качестве источника крови на моих кроссовках и носках не рассматривался: у обоих его родителей кровь относилась к первой группе, а значит, никакой другой у него тоже быть не могло. При такой неопределенности следователи не исключали,

что кровь принадлежит кому-то еще, но при этом допускали, что это могла быть кровь не одного человека. Поиски продолжались и всю ночь четырнадцатого августа, и потом несколько недель. Команды добровольцев прочесали близлежащие поля и холмы, осмотрели каждую компостную яму и сточную канаву, водолазы облазили лесную реку. Тщетно. Четырнадцать месяцев спустя мистер Эндрю Рафтери, местный житель, гуляя с собакой, заметил в кустах, примерно в двухстах ярдах от того дерева, возле которого нашли меня, наручные часы. Часы были примечательные: на циферблате нарисован футболист, а на конце секундной стрелки — футбольный мячик. Мистер и миссис Сэведж узнали часы своего сына Питера. Миссис Сэведж подтвердила, что в день исчезновения Питер был при часах. Пластмассовый браслет был разорван — вероятнее всего, Питер, убегая, зацепился браслетом за ветку. Криминалисты нашли на браслете и циферблате частично сохранившиеся отпечатки пальцев, все они совпадали с отпечатками на вещах, принадлежащих Питеру Сэведжу. Несмотря на обращения полиции к жителям и громкую кампанию в средствах массовой информации, след Питера Сэведжа и Джермейн Роуэн был утерян.

Я стал полицейским, потому что хотел расследовать убийства. Время, которое я провел за учебой, и позже, когда уже надел полицейскую форму, — училище Темплмор, бесконечные тренировки, патрулирование захолустных поселков, когда ты расхаживаешь в жилетке мультяшного вида и вырвиглазного цвета, выяснение, кто из трех местных малолеток разбил окно в сарае миссис Мак-Суини, — время это проходило в каком-то странном угаре по сценарию Ионеско и смахивало на испытание монотонностью, которое мне нужно выдержать, если хочу получить награду в виде профессии. Я никогда не вспоминаю те годы, да и помню их плохо. Друзей я тогда так и не завел и воспринимал свое одиночество как нечто неизбежное, словно побочный эффект успокоительного лекарства. Однако в глазах других копов моя отстраненность выглядела высокомерием, плевком в их крестьянскую основательность, в их крепкие деревенские амбиции. Возможно, так оно и было. Недавно я нашел дневник, который вел в колледже. Одна из записей посвящена моим

одноклассникам — их я описываю как “стадо тупых деревенщин, словно сработанных по одному лекалу, настолько типичных, что от них почти воняет капустой с беконом, коровьим дерьмом и церковными свечками”. Даже если допустить, что у меня просто выдался неудачный день, такое описание явно выдает неуважение к культурным различиям.

К тому моменту, когда я поступил в отдел убийств, моя новая рабочая одежда — безупречно скроенные костюмы из такой чудесной ткани, что она будто оживала в руках, рубашки в тоненькую зеленую или синюю полосочку, мягкие кашемировые шарфы — уже почти год висела у меня в шкафу. Я обожаю этот дресс-код, принятый по умолчанию. Это была одна из причин, по которым я мечтал оказаться в Убийствах, — а еще короткие, стенографически короткие, почти тайнопись, обозначения: отпечатки, вещдоки, судмеды. В городке, словно вышедшем из романа Стивена Кинга, куда я попал после Темплмора, произошло убийство — обычное преступление на бытовой почве, преступник просто-напросто не рассчитал силушку, однако и предыдущая пассия убийцы умерла при подозрительных обстоятельствах, и поэтому из Убийств прибыла парочка следователей. Всю неделю, что они пробыли у нас, краем глаза я вел непрерывное наблюдение за кофеваркой, и когда следователи подходили налить себе кофе, я тоже торопился за кофе, подолгу и обстоятельно наливал молока и грел уши, слушая, как детективы перебарываются четкими, жесткими фразами. Токсикология? Криминалисты скоро пришлют. Забуринны? В лаборатории устанавливают их происхождение. Я снова начал курить — чтобы выходить следом за детективами на парковку и торчать с сигаретой поодаль, уставившись в небо и прислушиваясь. Они мимолетно улыбались мне, иногда щелкали выдавшей виды зажигалкой, давая прикурить, а после, едва шевельнув плечом, словно отодвигали меня на второй план и возвращались к своим коварным многоплановым стратегиям. “Сперва вызови мамашу, а он пускай посидит дома часик-другой, подергается из-за того, что она наболтает. Позже опять вызывай его. Посадишь его в комнату, но входи к нему сразу, не тяни, чтобы он собрался с мыслями не успел”.

Если вы предположили, что к ремеслу сыщика меня привела сумасбродная идея разгадать загадку моего детства, то вы оши-

баетесь. Материалы по собственному делу я прочел один-единственный раз, вечером, когда остался в кабинете один, а источником света мне служила настольная лампа. Почти забытые имена эхом откликнулись в голове, точно летучие мыши, мелькали перед глазами, оживая в выведенных выцветшими чернилами буквах: вот Джейми пинает собственную мать, потому что не желает отправляться в школу-интернат, вот “грозного вида” подростки топчутся на опушке леса, вот мать Питера разгуливает с синяком под глазом. С тех пор я ни разу не брал свое дело в руки. Нет, я жаждал тайн, почти невидимых знаков, похожих на шрифт Брайля и доступных лишь посвященным. Та парочка детективов напоминала мне породистых, чистокровных животных, каким-то чудом попавших на сельскую ферму, воздушных гимнастов, что красуются в лучах софитов. Они играли в высшей лиге, и в той игре равных им не было.

Я понимал, что они действуют жестоко. Люди грубы и безжалостны, а хладнокровно придумывать уловки, подгонять их, пока человеческий инстинкт самосохранения не даст течь, — это жестокость в чистейшем ее виде, наиболее отточенная и отлаженная.

Про Кэсси мы слышали еще до того, как она стала частью нашего отдела, наверное, даже до того, как ей предложили к нам присоединиться. Сплетни здесь по-старушечьи эффективны. Отдел убийств вечно загружен работой, и к тому же он небольшой, постоянных сотрудников всего двадцать. Поэтому когда хлопот у нас прибавляется, то отдел поражает что-то навроде истерии, которая приводит к возникновению сложных альянсов и безумных слухов. Обычно мне удается избегать этого, но сплетни о Кэсси Мэддокс оказались достаточно навязчивыми и добрались даже до меня.

Во-первых, она, будучи женщиной, сразу стала объектом для плохо завуалированных оскорблений. Всех нас отлично обучили презирать предрассудки, но где-то глубоко внутри в каждом из нас сидит тоска по пятидесятым (даже мои ровесники не исключение, ведь в Ирландии пятидесятые во многом продолжались до 1995-го, а потом мы сразу перескочили в эпоху, смахивающую на тэтчеровские восьмидесятые). В те времена, чтобы выбить

у подозреваемого признание, достаточно было пригрозить ему, что ты нажалуешься его мамаше, единственными иностранцами в стране были студенты-медики, а от женских придирок ты спасался разве что на работе. Кэсси — всего лишь четвертая женщина, которую взяли в Убийства, и по крайней мере одна из ее предшественниц оказалась большой ошибкой (если верить некоторым, вовсе не случайной) — в отделе она запомнилась тем, что едва не угробила и себя, и своего напарника, потому что психанула и швырнула пушку в голову загнанному в угол подозреваемому.

Кроме того, Кэсси было только двадцать восемь и она всего несколько лет как выпустилась из Темплмора. Наш отдел относится к элитным, и если тебе меньше тридцати, а твой папаша не политик, то к нам тебе не попасть. Как правило, сперва нужно попотеть на побегушках, а после потрудиться в одном или двух других отделах. За плечами же у Кэсси имелся всего лишь год в наркоотделе. По слухам, вполне предсказуемым, выходило, что Кэсси спит с какой-то важной шишкой, или что она чья-то внебрачная дочка, или — версия с налетом оригинальности — что она застучала кого-то важного за тем, как он покупал наркоту, и повышение — плата за ее молчание.

Меня появление в отделе Кэсси Мэддокс не раздражало. Сам я проработал в Убийствах всего несколько месяцев, но во мне уже развилась стойкая неприязнь к неандертальской атмосфере, похожей на ту, что царит в раздевалках в спортклубах, меня бесило стремление сравнивать машины и средства после бритья, а придурковатые шутки, которые тут считаются “ироничными”, вызывали желание прочесть долгую нудную лекцию о том, что такое ирония. В целом женщины нравятся мне больше мужчин. Кроме того, я сам мучился от неуверенности, не с силах определить собственное место в отделе. До своих теперешних почти тридцати одного я два года пробыл мальчиком на побегушках и еще два провел в Домашнем насилии, и мое назначение вызывало меньше вопросов, чем в случае Кэсси. Тем не менее порой мне казалось, будто меня считают хорошим детективом без особых на то оснований, примерно так же мужчины находят красоткой высокую тощую блондинку, даже если у нее лицо переевшей курицы. И все лишь потому, что я обладаю всеми необходимыми данными и у меня идеальный выговор диктора Би-би-си, кото-